

Культурно-антропологические исследования. 2026. № 2

Culture and anthropology research journal. 2026. № 2

Научная статья

УДК 904

Музеи и сибирские бугровщики (от XVIII столетия к современности)

Бородовский Андрей Павлович^{1,2}

¹Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

²Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

Аннотация. Статья посвящена историческому обзору результатов деятельности бугровщиков как одного из начальных факторов пополнения коллекций музеев на территории юга Западной Сибири. В публикации приводятся одни из первых фактов выявления археологических находок на территории будущей Новосибирской области в начале XVIII в. Не менее важной является оценка осведомленности в то время в нашем регионе о существовании первого музея нашей страны – Кунсткамеры. Не менее значимыми являются попытки атрибуции этих первых археологических находок у Чауского острога с найденными впоследствии аналогичными артефактами в Новосибирской области и сопредельных территориях (Томской области, Республик Алтай и Хакасии, а также Синьцзяна на территории Китая). В настоящее время такая разновидность археологических находок ежегодно увеличивается значительными масштабами вследствие незаконной деятельности «черных копателей». В современной отечественной археологии вопрос возможности публикаций таких находок представлен двумя противоположными подходами. Согласно одному из них, артефакты с таким происхождением нельзя публиковать категорически в научных, академических изданиях. Другой подход предполагает более гибкое отношение в рамках исключений для уникальных предметов. Проблема общего отношения к «случайным» археологическим находкам усугубляется еще одной из основных характеристик археологических источников – фрагментарностью. Такое качество априори делает любую выборку археологического материала изначально не полной и не завершенной. Эта особенность совершенно в различной степени проявляется в типических и уникальных археологических материалах. Во-первых, нацеленность археологического научного аппарата (терминологии, классификации) на выявление в массиве артефактов типического, как правило, часто игнорирует индивидуальное как информационный шум. Во-вторых, если речь заходит об уникальности артефактов, то это требует своей особой процедуры обоснования. В-третьих, наличие у артефакта признаков уникальности, по сути, открывает новые неизвестные информационные возможности о прошлом. В свою очередь, индивидуальность образов связана

не только с уникальностью объектов, но и с неповторимостью многих элементов отражения. Исходя из таких параметров, яркие «случайные» находки будут востребованы среди исследователей и в музейной сфере.

Ключевые слова: археология; Западная Сибирь; бугровщики; коллекции; музеи; артефакты; уникальные находки; сибирские музеи

Для цитирования: **Бородовский А. П.** Музеи и сибирские бугровщики (от XVIII столетия к современности) // Культурно-антропологические исследования. – 2026. – № 2. – С. 14–30.

Финансирование: Работа подготовлена по теме Госзадания НИР ИАЭТ СО РАН «Формирование оригинальных черт российской цивилизации и становление империи на материалах исследований памятников Сибири XVI–XX веков (FWZG-2025-0013)»

Scientific article

Museums and Siberian Landowners (from the 18th Century to the Present)

Andrey P. Borodovskiy^{1,2}

¹Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia

²Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia

Abstract. The article is devoted to a historical review of the results of the activities of the excavators as one of the initial factors in the replenishment of museum collections in the south of Western Siberia. The publication provides some of the first facts about the discovery of archaeological finds in the territory of the future Novosibirsk Region in the early 18th century. Equally important is the assessment of the awareness of the existence of the first museum in our country, the *Kunstkamera*, in our region at that time. No less significant are the attempts to attribute these first archaeological finds at the *Chausky Ostrog* to similar artifacts later found in the Novosibirsk Region and adjacent territories (the Tomsk Region, the Altai and Khakassia Republics, as well as Xinjiang in China). Currently, this type of archaeological finds is increasing significantly every year due to the illegal activities of “black diggers.” In modern Russian archaeology, the issue of publishing such findings is being addressed. According to one of them, artifacts of this origin should not be published in scientific or academic journals. The other approach involves a more flexible approach that allows for exceptions for unique artifacts. The problem of the general attitude towards “random” archaeological finds is exacerbated by another major characteristic of archaeological sources: their fragmentary nature. This quality inherently makes any selection of archaeological material incomplete and unfinished. These characteristic manifests itself to varying degrees in both typical and unique archaeological materials. First, the focus of the archaeological scientific apparatus (terminology, classification) on identifying the typical in the array of artifacts often ignores the individual, as if it were information noise. Second, when it comes to the uniqueness of artifacts, it requires a specific justification procedure. Thirdly, the presence of unique features in an artifact essentially opens up new and unknown information about the past. In turn, the individuality of images is associated not only with the uniqueness of objects, but also with the uniqueness of many elements of reflection. Based on these

parameters, striking “random” discoveries will be in demand among researchers and in the museum industry.

Keywords: archaeology; Western Siberia; excavators; collections; museums; artifacts; unique finds; Siberian museums

For citation: Borodovskiy, A. P. Museums and Siberian Hill-Diggers (from the 18th Century to the Present). *Culture and anthropology research journal*, 2026, no. 2, pp. 14–30.

Funding: The work was prepared on the topic of the State assignment for research of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences “Formation of the original features of Russian civilization and the formation of an empire based on the materials of research of Siberian monuments of the 16th–20th centuries (FWZG-2025-0013)”.

Введение. В период с конца XVII и начала XVIII веков весь юг Западной Сибири был охвачен активной деятельностью бугровщиков – людей, промышлявших добычей ценных предметов из древних курганов (рис. 1).

Рис. 1. Сибирский бугровщик (XVII–XVIII вв.)
натурная реконструкция (фото А. П. Бородовского)

По описаниям Д. Г. Мессершмидта [1, s. 52, 63], со слов жителей Чаусского острога (рис. 2), организация промысла бугровщиков выглядела следующим образом. В середине или начале весны (в зависимости от состояния снежного покрова) из окрестных сел собирались большие артели по 200–300 человек, которые последним санным путем отправлялись на поиски «могильного золо-

та» в степь на 20–30 дней езды. Учитывая то, что за сутки при передвижении на лошадях можно было пройти не более 30–40 км, очевидно, что раскопки курганов велись на расстоянии 600–1200 км от Чаусского острога на территориях Барабы и Кулунды, еще не входивших в состав территорий Российского государства. Впечатляет численный состав участников артелей бугровщиков. Количество человек этих «поисковых партий» не только велико само по себе, но и значительно в сравнении со всей численностью Чаусского острога и его округа в начале XVIII века. По свидетельству того же Д. Г. Мессершмидта в 1721 г. в слободе острога, не считая казаков, проживало не более 150 человек. При этом общее население Чаусской волости составило несколько сотен только к 1741 г., когда там насчитывалось 874 человека. Таким образом, очевидно, что бугровщицеством занималось практически все взрослое активное население этой территории.

Рис. 2. Чаусский острог начала XVIII в. (фото А. П. Бородовского)

Основная часть. Результаты бугрового промысла «могильного золота» были настолько значительны, что позволили сформировать великолепные коллекции древностей. Одну из них Петр I, находясь в Голландии, увидел у известного коллекционера Н. Витзена, а другая, названная в честь российского самодержца (Сибирская коллекция Петра Великого), была подарена императору предпринимателем Демидовым. В состав этого собрания Сибирской коллекции вошли и другие находки. В частности, широкий размах бугровщи-

чества позволил сибирскому губернатору М. П. Гагарину в 1716 г. доставить Петру I коллекцию ювелирных изделий (рис. 3), скопившихся к тому времени в г. Тобольске.

Рис. 3. Предмет из «могильного золота». Сибирская коллекция Петра Великого из Золотой кладовой Государственного Эрмитажа (фото А. П. Бородовского)

Все это во многом определило издание знаменитого указа о Кунсткамере от 13 февраля 1718 г., заложившего основу российского законодательства об учете, выявлении и охране археологических памятников. В 1721 г. это постановление было уточнено еще одним разъяснением, суть которого состояла в покупке древних вещей в Западной Сибири и дальнейшей их пересылке в Берг и Мануфактур-коллегию. Одним из первых фактов осуществления подобной практики были покупки в 1722 г. Д. Г. Мессершмидтом у местного населения Чаусского острога на Оби (современное с. Чаус у р. п. Колывань) древних вещей во время первой академической экспедиции в Сибирь (рис. 4).

Однако уже тогда попытки таких покупок древностей у местного населения острогов далеко не всегда были успешными. В полевом дневнике Д. Г. Мессершмидта за 20 июня 1721 г. представлена достаточно любопытная запись. «Мне сообщили (информанты прапорщик Цоймем и Петр), что у дворянина Вишневецкого из Томска, ныне пребывающего в Чаусском остроге, имеется идол из меди в виде козла на которого прыгает лев». Д. Г. Мессершмидт предложил дворянину Вишневецкому продать ему этот предмет. Однако тот отказался от сделки и заявил, после упреков Д. Г. Мессершмидта, о музейной

значимости изделия, «что он сам бы мог бы доставить этот предмет в Петербург в Кунсткамеру его Царского Величества».

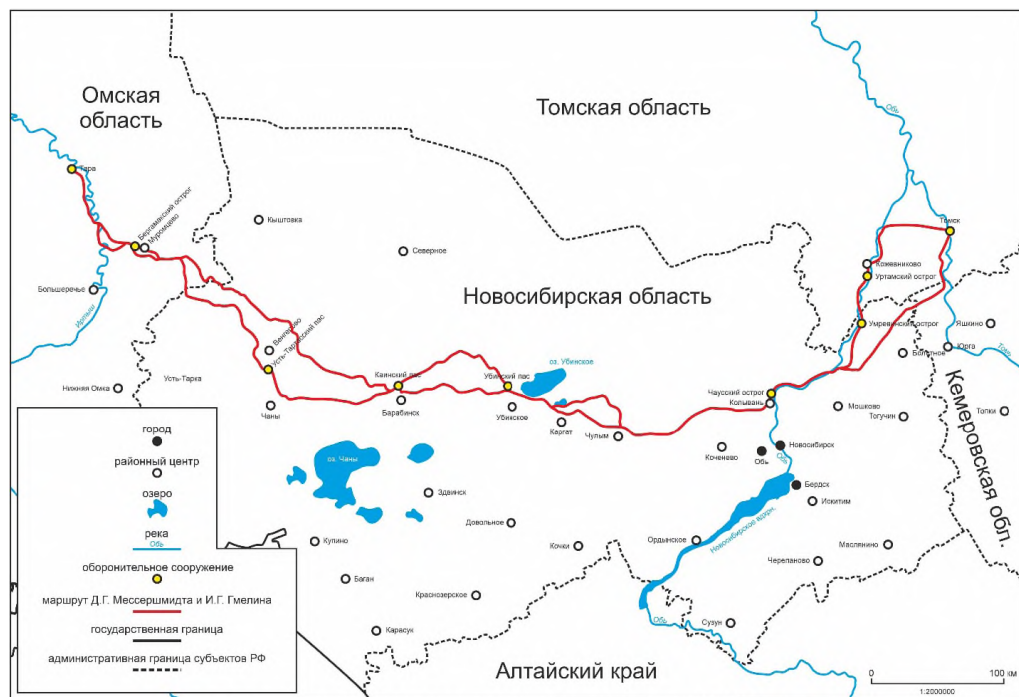

Рис. 4. Маршруты академических экспедиций XVIII столетия
(карта-схема С. В. Горохова)

Такой факт достаточно любопытен по целому ряду причин. Во-первых, это описанная бляха. Такая разновидность изделий достаточно хорошо идентифицируется, как бляха со сценой терзания копытного животного кошачьим хищником в скифо-сибирском зверином стиле. Эти предметы широко распространены на юге Западной Сибири от Верхнего Приобья, Нижней Катун и Среднего Енисея и Центральной Азии [2].

Во-вторых, еще следует обратить внимание на упоминание дворянина Вишневецкого о том, что он мог бы доставить бляху с терзанием самостоятельно в Кунсткамеру. Учитывая, что это первое музейное учреждение России было основано в 1714 г., а Сенатский указ о покупке в Сибири «курьозных вещей» и «о присылки оных» в Берг – и Мануфактур-коллегию вышел 16 февраля 1721 г. [3, № 3738; 4, с. 857], то дата контакта (20 июня 1721 г.) с дворянином Вишневецким по поводу бляхи достаточно любопытна. Дело в том, что временные интервалы между этими событиями явно свидетельствуют о достаточно оперативном распространении информации об отношении к предметам древности из Сибири в начале XVIII столетия, принятых в Российском государстве. Не менее важно другое обстоятельство. Несмотря на достаточно широкое территориальное распространение блях эпохи раннего железа со сценой терзания копытного (полной и парциальной), контекст, который соответствует опи-

санию предмета дворянина Вишневецкого из Чаусского острога, более всего соответствует изделиям именно с Верхней Оби (рис. 5, 1,2,6).

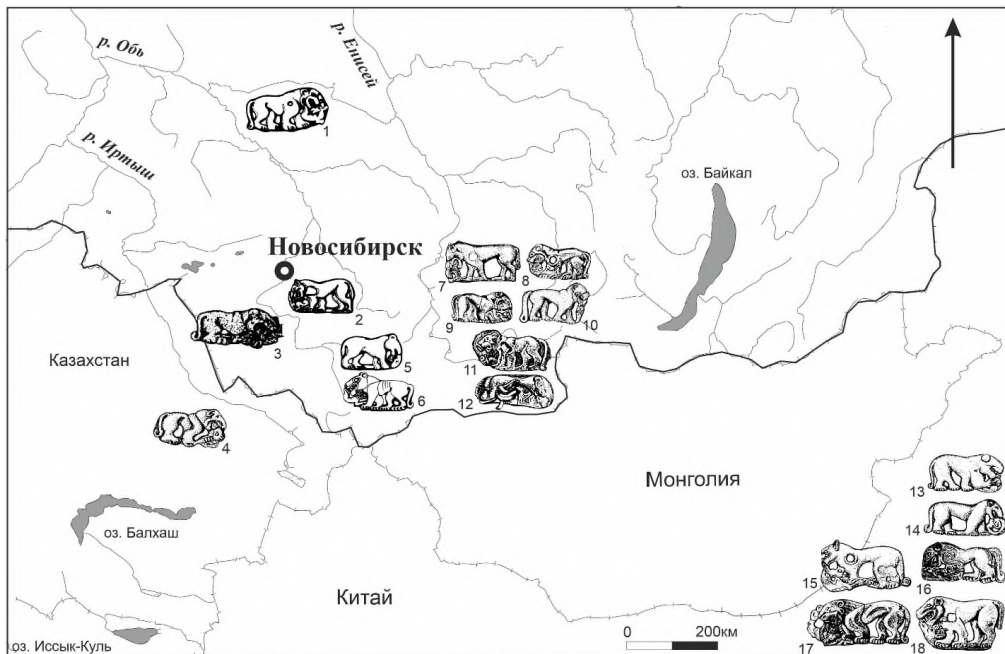

Рис. 5. Картография находок блях со сценой терзания копытным хищником копытного животного.

- 1 – Карбинское городище; 2 – Агролес (Бердск); 3 – Юбилейный-2;
4 – Семипалатинск (Казахстан); 5 – Майма VII; 6 – Барангол-1; 7 – коллекция Лопатина; 8, 9 – Минусинская котловина; 10 – Кежма; 11 – Дужерлик-Ховузу-1; 12 – Даган-Тели-1 (Тува); 13 – Ордос; 14 – Айдингху; 15 – коллекция Харрисон; 16 – Шихуйгою; 17 – Ченьянь Чунь; 18 – Чиу (карта-схема Бородавского А. П.)

Ближайшей территориальной аналогией такого предмета, описанного Д. Г. Мессершмидтом, является случайная находка в окрестностях г. Бердска (рис. 6) [5, с. 33, рис. 18], ныне хранящаяся в краеведческом музее Барнаула.

На этой территории кроме такой случайной находки явно присутствуют разрушенные погребальные объекты эпохи раннего железа (Бердский залив). Поэтому можно с полным основанием предполагать происхождение артефакта из Чаусского острога с территории Новосибирского Приобья.

В наше время, спустя 300 лет, бугровой промысел в Сибири, к сожалению, реинкарнировался благодаря современным металлодетекторам, поступившим в открытую продажу в начале XXI. Теперь каждую весну и вплоть до поздней осени по необъятным просторам Сибири и нашей страны в целом рыщут ватаги грабителей культурного наследия прошлого, поставляющих на стихийный рынок антиквариата все новые и новые археологические находки для продажи. Среди этих предметов часто встречаются уникальные предметы, достойные самых лучших музейных коллекций, но, к сожалению, ставшие объектом коммерческой наживы. В ходе такого хищнического кругооборота

древностей не только разрушаются многие уникальные археологические памятники (известные и еще не известные), но и бесследно растворяется важная для специалистов-археологов информация. В связи с этим следует подчеркнуть, что массовые и уникальные находки имеют явные особенности в аккумуляровании и транслировании таких сведений.

Рис. 6. Бронзовая бляха скифского времени со сценой терзания из окрестностей г. Бердска, хранящаяся в Краеведческом музее г. Барнаула (фото А. П. Бородовского)

В рамках указанного контекста следует особо подчеркнуть, что проблема усугубляется одной из основных характеристик археологических источников – фрагментарностью [6, с. 114]. Такое качество априори делает любую выборку археологического материала изначально не полной и не завершенной. Эта особенность совершенно в различной степени проявляется в типических и уникальных археологических материалах. Во-первых, нацеленность археологического научного аппарата (терминологии, классификации) на выявление в массиве артефактов типического, как правило, игнорирует индивидуальное как информационный шум. Во-вторых, если речь заходит об уникальности артефактов, то это требует своей особой процедуры обоснования. В-третьих, наличие у артефакта признаков уникальности, по сути, открывает новую информацию о прошлом. В свою очередь, индивидуальность образов связана не только с уникальностью объектов, но и неповторимостью многих элементов отражения [7, с. 28].

Препарировав таким способом уникальные археологические источники, открываем возможность получения ранее не доступных данных. Ярким примером такого феномена являются высокохудожественные сейминско-турбинские бронзы. Количество этих артефактов не так велико и до последнего времени было ограничено небольшой серией предметов. Однако в начале второго десятилетия XXI в. этот круг находок начинает стремительно пополняться как

раз за счет «случайных находок». Речь идет о нескольких коллекциях (рис. 7, 8, 9, 10, 11) из Среднего Прииртышья [8; 9] и Притоболья [10]. Недавно из окрестностей г. Тюмень (Ярковский район) стала известна находка сейминско-турбинского кинжала с зооморфным ажурным навершием (рис. 12, 13).

Рис. 7. Пышминская коллекция из Тюменской области
из частного собрания (фото А. П. Бородавского):
1–4 – копья; 5–7 – ножи; 8 – маска; 9–19 – кельты; 20 – пешня

В современной отечественной археологии к вопросу о возможности публикации таких находок существует два противоположных подхода. Согласно одному из них, артефакты с таким происхождением категорически нельзя публиковать в научных, академических изданиях. Другой подход предполагает более гибкое отношение в рамках исключений для уникальных предметов. Не обсуждая этическую сторону этой проблемы, заострим свое внимание на чисто познавательных аспектах как основной мотивации и результатах научной деятельности. В конечном итоге каждый исследователь сам выбирает из двух вариантов. Один из них – делать вид, что таких находок «не существует», что при полном неприятии этих артефактов приведет к утрате существенного объема информации о прошлом. Другим вариантом являются попытки введения в научный оборот таких предметов в целях фиксации и сохранения хотя

бы части данных об их происхождении, атрибуции и культурном значении [11, с. 5].

Рис. 8. Бронзовая маска сейминско-турбинского времени (эпоха развитой бронзы) из Пышминской коллекции (фото А. П. Бородавского):
1-3 – ракурсы маски; 4, 5 – деревянная вставка (нос)

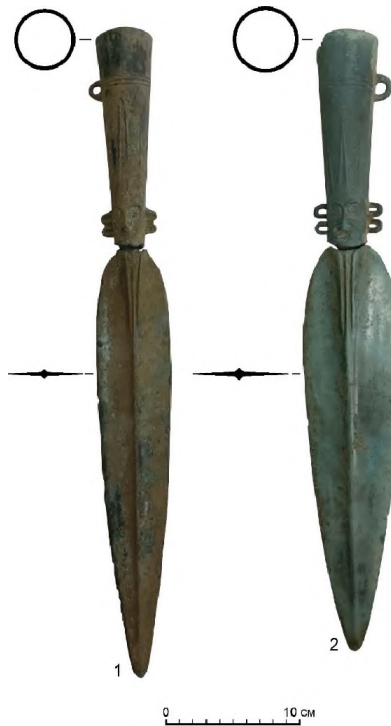

Рис. 9. Сейминско-турбинские копья из Седельниковского района Омской области, частное собрание (фото А. П. Бородавского)

Рис. 10. Личины с втулки копий из Седельниковского района Омской области (фото А. П. Бородовского)

Рис. 11. Личины с втулки копий из Седельниковского района Омской области (фото А. П. Бородовского)

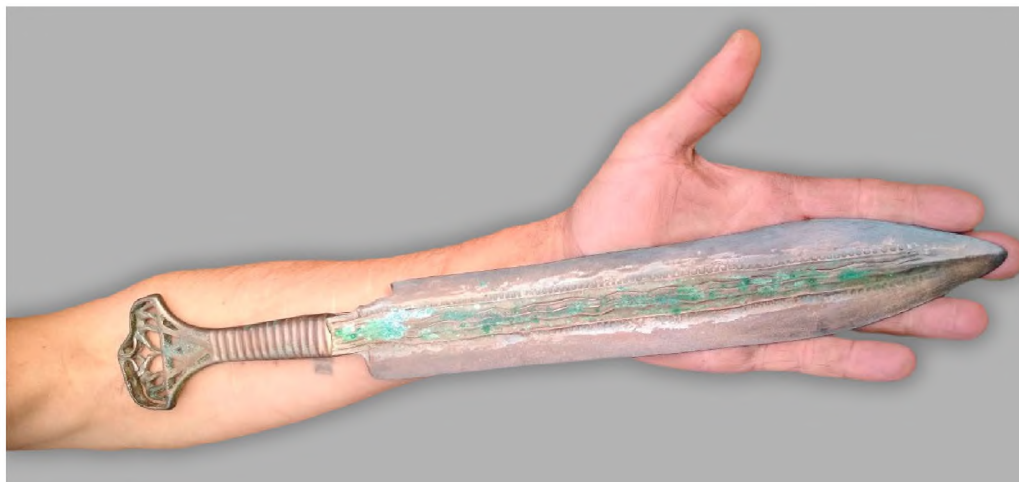

Рис. 12. Бронзовый кинжал (XV–XIV вв. до н. э.) из Ярковского района Тюменской области (фото А. П. Бородавского)

1

2

Рис. 13. Навершие и острие кинжала из Ярковского района Тюменской области (фото А. П. Бородавского):
1 – навершие; 2 – лезвие

Не менее важным вопросом является поступление этих уникальных находок в музейные коллекции. К сожалению, далеко не все эти предметы становятся общественным культурным достоянием. Значительная часть этих экспонатов входит в состав частных собраний, доступ к которым как специа-

листам, так и зрителям фактически ограничен. Однако среди этих артефактов есть примеры с музейной судьбой. Часть таких предметов благодаря усилиям некоторых специалистов уже поступила в фонды Новосибирского краеведческого музея г. Новосибирска. В качестве примера приведем две истории.

Одна из них касается самого большого китайского зеркала (рис. 14), найденного на территории Новосибирской области [12]. Большая часть найденных китайских металлических зеркал располагалась на территории среднего Енисея, а в Приобье они попадались нечасто. До недавнего времени это были единичные находки, ситуация несколько изменилась в начале нашего века. За относительно короткий промежуток времени было обнаружено более десятка таких артефактов, преимущественно севернее Транссибирской железнодорожной магистрали – в Барабинском, Каргатском, Колыванском и других районах. Зеркало, обнаруженное «черными» копателями у с. Теренино в Каргатском районе Новосибирской области, удалось не только изъять, но и передать в Новосибирский краеведческий музей, где оно после реставрации заняло достойное место в его экспозиции.

Другая история связана с находкой фитильного пистолетного ствола (рис. 15) второй половины XVI – начала XVII века [13] из окрестностей Бикатунского острога (г. Бийск Алтайского края). Найдки ранних образцов огнестрельного оружия в Сибири крайне редки. Можно с полным основанием говорить, что их явно меньше, чем «пальцев на двух руках». Поэтому каждую из них можно рассматривать не только как сенсацию, но и как важный артефакт, отражающий реальную историю распространения этого оружия на обширных пространствах Сибири и Дальнего Востока.

Находка ствола фитильного пистолета из Бикатунского острога является образцом раннего огнестрельного ручного оружия русского происхождения в Сибири. Появление этого предмета вооружения в районе современного Бийска очевидно связано со столкновениями вооруженных отрядов Московского царства и местного населения, которые происходили здесь и в начале XVIII века. Хотя, конечно, к тому времени этот тип пищалей считался уже архаичным. Но в Сибири вплоть до конца XVII в. ощущался серьезный дефицит современного ручного огнестрельного оружия. И поэтому фитильное оружие, которое было простым, надежным, относительно безопасным и дешевым в производстве, имело хождение в этих местах еще долгое время. В дальнейшем же многие фитильные стволы были переделаны для вооружения с кремнёвыми замками. К счастью, этого не произошло для ручницы из Бийска, что позволило в этом артефакте отразить во всей полноте ее уникальность. В настоящее время этот экспонат является частью коллекции Новосибирского краеведческого музея эпохи русского освоения Верхней Оби. Однако два этих примера являются благоприятным исключением на общем фоне массового хищнического разграбления историко-культурного наследия Сибири и всей страны в настоящее время.

Рис. 14. Китайское зеркало (VIII–X вв.) из с. Теренино Каргатского района НСО, хранящееся в Новосибирском государственном краеведческом музее (фото А. П. Бородовского)

Рис. 15. Ствол фитильного пистолета (XVI–XVII вв.) из Бикатунского острога, хранящийся в Новосибирском государственном краеведческом музее (фото А. П. Бородовского)

Рис. 16. Петр Великий – основатель российской археологии и музееведения, памятник в г. Бийске (фото А. П. Бородовского)

Заключение. В настоящее время, к сожалению, огромное количество массовых предметов и уникальных изделий не доходит до своего легального музейного хранения и экспонирования, а попадает на рынок древностей, а затем в частные коллекции. Поэтому сохранение хотя бы части информации об этих артефактах является одним из реальных средств частичной компенсации ущерба нашему историко-культурному наследию. Это в начале XVIII столетия отчетливо понимал император Петр Великий, который не только инициировал скупку российским государством этих «курьезных» предметов, но и требовал

в своих указах тщательно фиксировать данные об их происхождении и условиях находки. Сегодня нам остается только следовать этой установке государя.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Messerschmidt D. G.** Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. – Berlin: Akademie-Verlag, 1966, Bd. 1: Tagebuchaufzeichnungen, 1721–1722. – 380 s.
2. **Богданов Е. С.** Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии: (скифо-сибирская художественная традиция). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН СО РАН, 2006. – 239 с.
3. Полное собрание законов Российской империи. [Собрание 1-е]. Т. 6, Кн. 2. – СПб., 1830. – 817 с.
4. Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков. – М.: Этерна, 2010. – 960 с.
5. **Бородовский А. П.** Археологические памятники Искитимского района Новосибирской Области. Материалы «Свода памятников истории и культуры народов России. Выпуск 6». – Новосибирск, 2002. – 208 с.
6. **Подольский М. Л.** Индивидуальное и типическое в археологической культуре (опыт композиционного подхода) // Актуальные проблемы изучения архаики: материалы теоретического семинара «Теория и методология архаики» 1996–2012 гг. – СПб.: МАЭ РАН, 2014. – С. 120–132.
7. **Клейн Л. С.** Археологические источники. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1978. – 120 с.
8. **Молодин В. И., Нескоров А. В.** Коллекция сейминско-турбинских бронз из Прииртышья (трагедия уникального памятника – последствия бугровщичества XXI века) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010. – № 3 (43). – С. 58–71.
9. **Бородовский А. П.** Металлические наконечники копий эпохи бронзы - новые находки с территории Омской области // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2024. – № 2 (50). – С. 65–73.
10. **Бородовский А. П., Оборин Ю. В.** Предметы сейминско-турбинского металлического комплекса с нижней Пышмы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2020. – Т. 19, № 5: Археология и этнография. – С. 103–118.
11. **Федорова Н. В.** Север Западной Сибири в железном веке: традиции и мобильность: очерки. – Омск, 2019. – 150 с.
12. **Бородовский А. П., Тишкин А. А.** Металлическое зеркало из Барабы // Теория и практика археологических исследований. – 2016. – № 4 (16). – С. 24–35.
13. **Бородовский А. П., Оборин Ю. В., Савосин С. Л.** Находки раннего ручного огнестрельного оружия из Южной Сибири // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2019. – Т. 18, № 5: Археология и этнография. – С. 106–115. DOI: 10.25205/1818-7919-2019-18-5-106-115

REFERENCES

1. Messerschmidt D. G. Research trip through Siberia 1720–1727. Berlin: Akademie-Verlag, 1966, Bd. 1: Tagebuchaufzeichnungen, 1721–1722, 380 s.
2. Bogdanov E. S. The Image of a Predator in the Plastic Art of the Nomadic Peoples of Central Asia: (The Scythian-Siberian Artistic Tradition). Novosibirsk: IAET SB RAS, 2006, 239 p. (In Russian)
3. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. [Collection 1st]. Vol. 6, Book 2. St. Petersburg, 1830. 817 p. (In Russian)
4. Museum Studies in Russia in the 18th–20th Centuries. Moscow: Eterna Publ., 2010. 960 p. (In Russian)
5. Borodovsky A. P. Archaeological Monuments of the Iskitim District of the Novosibirsk Region. Materials of the “Code of Monuments of History and Culture of the Peoples of Russia”. Issue 6. Novosibirsk, 2002, 208 p. (In Russian)
6. Podolsky M. L. Individual and Typical in Archaeological Culture (An Experience of a Compositional Approach). Current Issues in the Study of Archaic Culture: Proceedings of the Theoretical Seminar “Theory and Methodology of Archaic Culture” 1996–2012. St. Petersburg: MAE RAS, 2014, pp. 120–132. (In Russian)

7. Klein L. S. Archaeological Sources. Leningrad: Leningrad University Press, 1978, 120 p. (In Russian)
8. Molodin V. I., Neskorov A. V. Collection of Seyminsky-Turbinsky Bronzes from the Irtysh Region (the Tragedy of a Unique Monument – the Consequences of the 21st Century Hill-Building). Archaeology, Ethnography, and Anthropology of Eurasia, 2010, no. 3 (43), pp. 58–71. (In Russian)
9. Borodovsky A. P. Bronze Age Metal Spear Heads: New Finds from the Omsk Region. Archaeology, Ethnography, and Anthropology of Eurasia, 2024, no. 2 (50), pp. 65–73. (In Russian)
10. Borodovsky A. P., Oborin Yu. V. Items of the Selm-Turbinsky Metal Complex from the Lower Pyshma River. Vestnik NSU. Series: History, Philology, 2020, Vol. 19, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 103–118. (In Russian)
11. Fedorova N. V. The North of Western Siberia in the Iron Age: Traditions and Mobility: Essays. Omsk, 2019, 150 p. (In Russian)
12. Borodovsky A. P., Tishkin A. A. A Metal Mirror from Baraba. Theory and Practice of Archaeological Research, 2016, no. 4 (16), pp. 24–35. (In Russian)
13. Borodovsky A. P., Oborin Yu. V., Savosin S. L. Finds of Early Hand-Held Firearms from Southern Siberia. Vestnik NSU. Series: History, Philology, 2019, vol. 18, no. 5, Archaeology and Ethnography, pp. 106–115. DOI: 10.25205/1818-7919-2019-18-5-106-115 (In Russian)

Информация об авторе

А. П. Бородовский, доктор исторических наук, профессор, Новосибирский государственный педагогический университет; главный научный сотрудник, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия; ORCID <https://orcid.org/0000-0002-6312-1024>, altaicenter2011@gmail.com

Information about the author

Andrey P. Borodovskiy, Doctor of Historical Sciences, Professor, Novosibirsk State Pedagogical University; Chief Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia; ORCID <https://orcid.org/0000-0002-6312-1024>, altaicenter2011@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 20.03.2026

Одобрена после рецензирования: 21.04.2026

Принята к публикации: 21.04.2026

The article was submitted: 20.03.2026

Approved after reviewing: 21.04.2026

Accepted for publication: 21.04.2026